

◆ Николай Свечин ◆

Николай Свечин

Банда Кольки-куна

*Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова
и его друзей*

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Петра Петрова*

Иллюстрации в тексте и на переплете
Екатерины Асадчевой

Свечин, Николай.

С24 Банда Кольки-куна / Николай Свечин. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Исторический детектив Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-089815-2

1905 год, Русско-японская война подходит к концу, а в России зреет революция. Японская разведка подготовила из пленных поляков своих агентов и вернула их на родину вместе с другими военнопленными. Об этом стало известно Департаменту полиции. Лыкову вместе с жандармами поручено выявить и арестовать шпионов. В ходе дознания он узнает о группе бывших солдат, объединившихся для борьбы с царизмом. Их вождем является рядовой Николай Куницын, получивший в плену кличку Колька-кун. Харизматичная личность, бесстрашный, много повидавший, он изобрел собственную модель государства, где править станут крестьяне. Идея увлекает многих, и поймать такого человека трудно – люди помогают ему скрываться от полиции. Лыков начинает поиски и быстро выясняет, что бывшие пленные ему симпатичны и он не хочет сажать их в тюрьму...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089815-2

© Свечин Н., текст, 2017
© Асадчева Е., иллюстрации, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Весточка с Востока

Лыков ходил по тихой, опустевшей квартире на Моховой. Ходил бесцельно: мебель была уже вывезена и большей частью продана, вещи раздали кому попало. С тех пор как сыщик овдовел, жить в прежних хоромах ему стало не вмоготу. Варенька умерла, дети разъехались... Исчезли горничные, сделались офицерами лихие юнкера, друзья сыновей. Жизнь ушла из огромной, прежде шумной и веселой квартиры. Коллежский советник, немного обвыкнув, начал искать жилье попроще. Обвык — это так лишь говорится. Как можно привыкнуть к тому, что ты теперь один? Да, Шурочка в Париже нянчит его, Лыкова, внучку. И два подпоручика служат в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. Письмами, стервецы, папашу не балуют. А будто сам он в их го-

ды много думал о родителях? Чего теперь обижаться. Им жить, а ему стареть...

Неделю назад сыщик нашел себе небольшую четырехкомнатную квартиру в новом доме на Стремянной улице. Одна комната предназначалась для кухарки Нины Никитичны. Пожилая аккуратная женщина нянчила еще близнецов, когда те под стол пешком ходили. Сейчас она осталась при Лыкове вести его немудреное хозяйство. Сыновья вступили наконец-то во владение заповедным имением в Костромской губернии. Но прежние порядки сохранили. Титус все так же хозяйствовал, советуясь с собственниками по важным вопросам. Доходы шли в равных долях двум подпоручикам и одной парижанке. Еще десять тысяч в год получал Алексей Николаевич — сыновья настояли. Одинокому человеку, да при полковничьем жалованьи, этого хватало за глаза. Овдовев, сыщик еще больше погрузился в вопросы службы. Других интересов уже и не осталось. А служба становилась все труднее, все опаснее. На календаре был май 1905-го. В стране творилось черт знает что...

Лыков сложил в портфель фотографии и письма, те, что еще не перевезли на Стремянную, и собрался уходить. Скоро сюда въедут новые жильцы; прощай, Моховая... Вдруг в дверь позвонили. Не иначе, швейцар принес почту. Нина Никитична жила уже по новому адресу, и Лыков пошел открывать сам.

К его удивлению, в дверях стоял молодой артиллерийский капитан, совершенно сыщику неизвестный. Капитан был строен и красив особой восточной красотой. Лыков прошлым летом изъездил вдоль и поперек весь Кавказ и сразу понял, что перед ним бакинский татарин♦. Зачем ему понадобился питерец? Наверное, какое-то эхо неприятной истории с тифлисским казначейством. Сыщик разорил его в ту командировку, накрыв с поличным шайку мошенников. В аферах участвовали высшие чины кавказской администрации, тифлиские бандиты и горские абреки♦. Лыков едва выжил в мясорубке, в которую неожиданно вылилось его дознание. И не хотел теперь вспоминать страшных минут.

♦ *Бакинский татарин — азербайджанец. (Здесь и далее примеч. автора.)*

♦ *См. книгу «Тифлис 1904».*

Капитан и сыщик какое-то время разглядывали друг друга, потом артиллерист спросил:

— Простите, я не ошибся? Мне нужен Алексей Николаевич Лыков.

— Да, это я. — Питерец посторонился, впуская гостя. — С кем имею честь? Вы не из Тифлиса?

Татарин засмеялся:

— Нет, я из японского плена. Одиннадцатого мая, два дня назад, сошел с парохода в Одессе. И прямо к вам.

Лишь тут Лыков заметил, что капитан прячет за спиной палку. И сапоги на нем особенные: один форменный, а второй синего сукна, ортопедический.

— Из японского плена? Ах, видимо, вас отпустили по ранению? — сообразил Алексей Николаевич.

— Именно.

♦ *Артурец* — участник обороны Порт-Артура.

— Так вы артурец! ♦ Проходите, присаживайтесь. Это большая честь для меня — принимать вас. Мебель вывезли, но вон там осталась пара стульев.

Артиллерист снял потертую шинель, аккуратно поместил на вешалке. Рядом пристроил шашку с анненским темляком. Потом, заметно прихрамывая, прошел в зал и сел. Вытянул раненую ногу, потер ее машинально, но перехватил взгляд хозяина и тут же отдернул руку:

— А, уже почти зажило.

Лыков вспомнил, что писали на днях газеты. В Одессу приплыл пароход «Инкула». На нем вернулось на родину около трехсот офицеров и солдат из плененного гарнизона Порт-Артура. Нижние чины все были после ранения, и японцы отпустили их домой будто бы из человеколюбия. На самом деле, конечно, не хотели кормить и лечить, но люди все равно радовались, оказавшись дома. Офицеры же, в отличие от солдат, должны были дать слово, что не примут участия в продолжающейся войне. И те из них, кто счел возможным так поступить, тоже прибыли на «Инкуле». Тем более что государь особой телеграммой разрешил это.

Алексей Николаевич наконец внимательно рассмотрел незнакомца, проникаясь к нему уважением.

Артурцы дрались храбро, многие из них погибли. Выжившие попали в плен по решению коменданта крепости генерала Стесселя, тут не было их вины. И бесчестия тоже не было. На шее капитана красовалась Анна второй степени с мечами, а на кителе — Владимир четвертой степени с мечами и бантом. Боевой офицер, и пролил кровь... Колено вон до сих пор не гнется...

— Так вы с «Инкулы»! Дали слово, и вас отпустили?

— А вот и нет! — рассмеялся офицер, показав испорченные скорбутом♦ зубы. — Слова никакого им не давал. Вот еще! Я хочу вернуть должок этим самонадеянным японцам.

♦ *Скорбут* — цинга, которой особенно страдали участники обороны Порт-Артура.

Но перехватил взгляд хозяина, виновато ойкнул и закрыл рот рукой:

— Пугаю всех своим видом, извините. Там плохо было насчет довольствия. Все болели цингой, даже офицеры. Японский доктор прописал мне лимоны-апельсины. Два месяца плыл на пароходе, кушал-кушал эти лимоны... А до сих пор не прошло.

— Как же тогда вас отпустили, если вы слова не давали?

— Ранение помогло, — пояснил капитан. — Нога была в таком состоянии... Ихние врачи смотрели-смотрели, да и руками развели. Сказали, раньше чем через полгода ходить не смогу, не то что воевать. А микадо велел к этому времени уже закончить кампанию. Ну и сми... как это?

— Смилоствивились?

— Вот! — опять засмеялся артиллерист. — Извините, немножко нехорошо говорю по-русски.

— Зато хорошо воюете, судя по наградам, — улыбнулся в ответ Лыков. Незнакомец нравился ему все больше. — Так, значит, опять в Маньчжурию? Ведь если обязательств вы никаких не дали, то и препятствий к этому нет?

— Препятствие — вот оно. — Капитан похлопал себя палкой по суконному сапогу. — Еще не зажило, собака. Генерал-инспектор артиллерии может не отпустить. Оставит долечиваться — а там и война тью-тью. Сейчас я должен сначала представиться государю. Попрошу его разрешить на фронт через голову великого князя♦. Вдруг получится? Как считаете, Алексей Николаевич? Государь соблаговолил наградить меня Георгиевским крестом. Имею я право на просьбу вернуться в Маньчжурскую армию?

— Так вы к тому же и георгиевский кавалер?

— Крест пока не купил, — смутился капитан. — А у вас ведь солдатский, еще с турецкой войны?

— Откуда вам это известно? — поразился Лыков.

Гость сразу посерьезнел:

— Позвольте наконец представиться: Али Ага Шихлинский, командир полубатарей Забайкальского артиллерийского дивизиона. У меня для вас письмо. Секретное. Из Цинтау♦.

Алексей Николаевич вскочил в сильном волнении:

♦ Великий князь Сергей Михайлович — генерал-инспектор артиллерии.

♦ Впоследствии вошло в обиход другое название — Циндао, но в 1905 году говорили и писали так.

- Из Цинтау?
— Точно так.
— Вы видели его?
— Как же иначе я мог получить письмо? — усмехнулся Шихлинский.

В прошлом году перед отъездом на войну барон Таубе открыл Лыкову важный секрет. Пятнадцать лет назад друзья вместе приплыли на Сахалин. Военное министерство внедряло особо секретного агента, будущего резидента по Германии. Сложным путем, через побег с сахалинской каторги и многолетнее оседание на Дальнем Востоке, человек должен был создать убедительную легенду. Таковую, чтобы немецкая разведка не подкопалась. Этим агентом был Федор Ратманов по кличке Буффаленок, сын давно погибшего друга Алексея Николаевича♦. Под видом мошенника Фридриха Гезе он будто бы собирался начать новую жизнь. А именно — из беглого каторжника вырасти в почтенного торговца и уважаемого человека. Германские негодянты в далеких колониях отличаются особой спайкой. Там у них свои клубы, куда нет ходу посторонним; любовь к Фатерланду возведена в обязанность. И любой из них беспрекословно выполнит тайное поручение военного флота, который рыскает по всей Океании в поисках новых баз. Хороший способ проникнуть в разведку — стать ее мелким, но проверенным помощником. А потом, уже с репутацией и капиталами, перебраться

♦ См. книгу «Мертвый остров».

в Германию. Так вот, по словам Таубе, Фридрих Гезе поселился в Цинтау! Его вращение в среду завершено: он свой человек в этой колонии, богат, успешен и на хорошем счету у военных. Еще несколько лет, и Гезе сможет репатриироваться.

Цинтау — порт на южном берегу полуострова Лаошань в провинции Шень-Дун — был отобран немцами у Китая в 1897 году. Поводом, как всегда, послужило убийство пары миссионеров. На самом деле место для военно-морской базы выбрал сам начальник Тихоокеанской эскадры Альфред фон Тирпиц. Поблизости было много высококачественного угля, что важно для крейсеров. Под дулами их орудий Китай вынужден был передать германцам в аренду на девяносто девять лет бухту Киао-Чусоу с поселком Цинтау и пятидесятикилометровую зону вокруг. Немцы очень быстро превратили поселок в первоклассный порт с судоремонтными мастерскими, складочным местом эскадры и огромными торговыми оборотами. Известно, что у колбасников армия и торгово-промышленный капитал всегда идут рука об руку. И вот теперь письмо оттуда, переданное с оказией. Это может быть только послание Буффаленка!

Коллежскому советнику очень хотелось вскрыть конверт. Но он понимал, что делать это надо в присутствии Таубе. А у барона появятся вопросы. И сыщик решил сначала получить на них ответы.

♦ Современное название — бухта Цзяочжоувань.

— А как вы попали в Цинтау, Али Ага... Простите, как вас по отчеству?

— Полностью меня зовут Али Ага Хаджи Исмаилбек-оглы, — опять рассмеялся капитан; видимо, он был весельчак. — Товарищи обращаются Али Ага. Валяйте и вы так же. А в Цинтау нас, раненых и увечных, привезли сразу после освобождения из плена. Мы провели там месяц в ожидании парохода. Нижние чины помещались в лагерных бараках, а мы, офицеры, — в гостиницах. С удобствами, как полагается... Гуляли по городу, у кого ноги ходят, развлекались. Когда еще попадешь в такое место?

— Понял. Там и познакомились... с господином Гезе?

Лыков с запинкой выговорил новое имя Буффаленка. Шихлинский заметил это и пояснил:

— С Гезе, или как там его на самом деле, мы познакомились в первую же неделю. Катались вместе на шампуньке...

— На чем, простите? — опешил сыщик.

— На шампуньке. Это обывательская шлюпка так у них называется. Правят ею китайцы, возят туристов по бухте. Ну, мы оказались с... на одной посудине. Он все присматривался ко мне. Я сразу почувял — германцу что-то надо. И по-русски говорит лучше меня! Потом он пригласил меня в ресторан. Еще неделю мы встречались, словно бы невзначай. И вот однажды, после биргалле, Гезе позвал к себе

в гости. У него хороший особняк на берегу, у подножья горы Ильтис.

— Вас одного?

— Да, мы всегда общались без посторонних.

— И там, дома, он вручил вам это письмо?

— Два письма, — удивил Алексея Николаевича Шихлинский. И тут же пояснил: — Одно, он прямо заявил, для отвода глаз. Если германцы заметят наши встречи и захотят обыскать мои вещи. Там адресатом какой-то воспитатель приюта здесь, в Петербурге. В нем Гезе воспитывался с детства — так сказал, да. Будто бы ему, по старой памяти, негоциант и написал. А настоящий пакет, вот этот, он просил всегда носить при себе. И ни при каких обстоятельствах не оставлять в гостинице. А как приеду в столицу, сразу вручить его вам.

У Лыкова уже кончалось терпение. Хотелось скорее узнать, что в конверте. Но нужно было сначала проститься с неожиданным гостем. А тот не спешил уходить. Он мялся-мялся, потом сказал:

— Алексей Николаевич... Гезе, или кто он там на самом деле, кое-что рассказал о вас. Про Георгиевский крест и не только... Я знаю, что вы служите в полиции. Что у вас друзья в разведочной службе Военного министерства.

Сыщик заерзал.

— Гезе доверился мне потому, что деваться было некуда, — вступился за Буффаленка капитан. — И ор-